

1.1 След, следы, следовать

В нашей повседневной жизни мы не только постоянно наталкиваемся на самые различные СЛЕДЫ, но мы также постоянно «читаем» и интерпретируем их, часто даже не замечая этого. Вернувшись с работы в пустую квартиру, мы находим в ней уже «следы» *родного* пребывания — приготовленный обед на кухне, записка на столе, забытые ключи на столе. Однако в пустой квартире мы можем обнаружить и *чужие* следы, которые могут привести нас в шоковое состояние — взломанная входная дверь, брошенные на пол вещи, оставленные открытыми шкафы и шкафчики.

Сами следы ничего никогда не «совершают» — они только нам что-то «сообщают», т. е. они шлют нам определённые «сигналы», которые могут нас обрадовать, насторожить, привести в сомнение или вызвать тревогу. Мир человека состоит из сплошных «следов», которые и *определяют* его восприятие действительности.

Мы реконструируем следы в контексте наших «селективных восприятий» — в контексте, в котором нейтральные следы становятся для нас *чужими* или *родными*, *подозрительными* или *обнадёживающими*, *загадочными* или *тривиальными* «знаками». Заметим, что сами по себе следы не являются ни «родными», ни «чужими», ни «загадочными», ни «тривиальными», а они *становятся* таковыми в глазах конкретного наблюдателя, который имеет личное отношение к окружающим его предметам, т. е. «следам», который интересуется ими или же игнорирует их, который выделяет их или же, наоборот, абсолютно не замечает их. Сломанные двери проезжающего мимо автобуса не вызывают у нас никакого «познавательного» интереса, а вот взломанные двери собственной квартиры вызывают не только «интерес», но и целую бурю негативных чувств. Сломанные двери

«там», сломанные двери «здесь», а реакция на них очень даже разная. А это означает, что «след следу рознь».

Однако *эпистемологическая* роль следа определяется не его *материальной* структурой (не тем, что он из себя представляет), а характером его *отношения* к познавательному субъекту. Отсюда следует (опять же «следует»), что определённые предметы, знаки или действия ни для кого изначально не являются СЛЕДАМИ, а они становятся *такowymi* лишь в определённых условиях. Но что это за условия? При каких условиях определённые предметы нашего настоящего становятся или могут стать для нас «следами прошлого»?

СЛЕД *может* лишь тогда стать «следом», если он будет кем-то *оставлен*. След предполагает, чтобы его *оставили*, т. е. предполагает акцию, действие — одним словом, *существование*. Это первая предпосылка для наличия СЛЕДА. Во-вторых, *СЛЕД* предполагает также потерю, уход или смерть того, чьим следом он является, т. е. след предполагает также *несуществование*. По своей сущности СЛЕД есть *остаток, обломок, обрывок* «ранее существующего», которое исчезло в бездне *не-бытия*. СЛЕДЫ являются *материальными* свидетелями этого исчезновения. Они *указывают* на ушедшее или прошедшее, т. е. «более не существующее» *бытиё*. Но, чтобы «указывать» на ушедшее / прошедшее, т. е. *нематериальное* след должен присутствовать *материально*. Без *материальности* следа не было бы здесь *нематериального* прошлого.

Но в наших современных интерпретациях действительности *материальные следы* играют всё меньшую роль? В нашей постмодернистской жизни мы интерпретируем исключительно ТЕКСТЫ или же создаём новые ТЕКСТЫ, которые, опять же, интерпретируются в других ТЕКСТАХ. Мы практикуем исключительно *текстовой* подход к

действительности, которая в наших интерпретациях практически «дематериализуется», «дереализуется» и становится «беспредметной», замечают авторы сборника под многозначным заголовком «СЛЕД.

Чтение следов как техника ориентации и искусство познания»³. Сборник этот был опубликован на немецком языке в 2007, собрав в себе материалы научной конференции, посвящённой тематике следа, в которой приняли участие специалисты самых различных направлений — философы, историки, археологи, криминалисты, биологи и т. д. К этому сборнику я ещё во время наших лекций не раз вернусь.

Сейчас, однако, замечу, что понятие «следа» является очень важным для исторической науки. И я это понятие предпочитаю понятию «источник», который тоже является «следом» прошлого, но её *избранным следом*, потому что не каждый след прошлого становится для историка «источником», но любой «источник» является, без сомнения, для него «следом». В целях реконструкции прошлого историк *может* и *должен* использовать самые различные «следы» прошлого.

Но «источниками» для историка становятся только те «следы», которые он «избрал». Я, однако, не хотел бы ограничивать *сущностный* анализ понятия «следа» только «избранными следами». Подобный подход, по моему мнению, никак не будет содействовать пониманию универсального характера этого понятия.

История более чем какая-либо другая наука преданно *следует* «следам» прошлого. Но «следовать» чему-то, означает быть зависимым от того, чему ты следуешь, быть связанным с ним. И историк следует

³ Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. Hg. v. Krämer, S./Kogge, W./Grube, G. Frankfurt am Main 2007.

следам — часто скептически или критически, с интересом или без —, но он следует.

Однако здесь возникает вопрос, кто же первым начал читать следы прошлого? По мнению итальянского учёного С. Ginzburg(a) (Карло Гинцбург), это был первобытный охотник и собиратель, который с помощью обломанных ветвей, оставшегося помёта или пучков шерсти на кустах, стремился реконструировать ход прошлых событий.

«Первобытный охотник, таким образом, был первым, кто мог нам ,рассказать историю` — был единственным, кто в немых и почти невидимых следах своей добычи мог восстановить взаимосвязанный ход событий»⁴.

Свою уникальную способность «читать следы» человек развил в течение тысячелетий до перфекционизма. Ginzburg рассказывает в этой связи нам занимательную историю из серии восточных сказок. Эта история повествует о трёх братьях, которые встретили человека, потерявшего своего верблюда. Человек этот задал братьям вопрос, не встречали ли они на своём пути потерянное животное? Братья тут же описали ему его:

— Белый верблюд, на один глаз слеп, нагружен двумя бурдюками, в одном из которых находится масло, а в другом вино...

— Ах! Вы его видели!

— Нет, не видели.

За такой, можно сказать, нахальный ответ, хозяин верблюда подал на братьев в суд. Но на суде три брата без всякого труда продемонстрировали присутствующим, каким образом им удалось

⁴ Ginzburg, Carlo. Spurensicherung. Die Wissenschaft auf der Suche nach sich selbst. Aus dem Italienischen Gisela Bonz und Karl E. Hauber. Berlin 1995. S.19.

расшифровать оставленные верблюдом следы, которого они действительно не видели, но образ которого они по многочисленным признакам реконструировали⁵. Это не более чем сказка, можем мы сказать. Но и в сказках, как это верно заметил Reinhart Koselleck, речь идёт о тех же самых людях, о которых повествует и научная история⁶.

Способность человека «читать следы» обогатила его познавательный потенциал, научив его понимать и интерпретировать самые различные «знаки» в их взаимосвязи⁷, считает Ginzburg. Сегодня мы, вероятно, сказали бы, что три брата образовали нечто вроде исследовательского сообщества, которое сумело, профессионально следуя следам, успешно реконструировать события определённого прошлого и убедительно презентировать их общественности. Уже в то время искусство «чтения следов» требовало от «следователя» (следователем я в будущем буду называть любого, кто «следует следам») селективного восприятия, логического мышления, коммуникативных способностей и, конечно, силы убеждения.

Но всё ведь началось, оказывается, с первобытного охотника. Мы вправе назвать и современного историка «охотником», потому что он опирается на те же самые эпистемологические принципы познания прошлого, что и охотник. Впрочем, Marc Bloch так и поступает, утверждая в своей «Апологии истории», что «настоящий историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечинной, там, он знает, его ждёт добыча»⁸.

⁵ G Ginzburg, Carlo. A. a. O. S.18.

⁶ Koselleck, Reinhart. Die Zeiten der Geschichtsschreibung. In: Zeitschichten. Studien zur Historik. Frankfurt a. M. 2000. S.297.

⁷ G Ginzburg, Carlo. A. a. O. S.19.

⁸ Блок М. Апология истории. Изд-во «Наука». Москва, 1986. С. 18.

Однако, что же, собственно говоря, произошло в тот момент, когда охотники и собиратели стали «читать следы» прошедших событий? В этот момент они открыли для себя *другую* — скрытую от них — действительность, которую можно назвать также «действительностью следа», что в переводе с немецкого звучит как «die ‚Spur`-Wirklichkeit». Главная особенность этой «‚Spur`-Wirklichkeit» заключается в том, что она является *имагинарной* действительностью, т. е. действительностью, которая была создана человеком уже в момент её *несуществования* или в момент её существования как след.

Надо заметить, что также животное в состоянии «следовать следам» своей добычи. Однако животное не «создаёт» для себя никакой *другой* действительности, а оно инстинктивно реагирует на запахи, температуру, движения своего окружения. И только человек может реконструировать «прошлые состояния» своей действительности, может воспринять её не такой, какая она ЕСТЬ, а какой она СТАЛА, т. е. увидеть в ней «ставшее таким бытиё» или «das Gewordensein». И это очень существенный момент.

Ведь в процессе «чтения следов» человеку удалось мощным порывом раздвинуть границы своего «тут-бытия», вырвавшись из своего кратковременного ЗДЕСЬ и ТЕПЕРЬ. Человек как бы поднялся на вершину высокой горы, с которой ему открылась поразительная панорама его, уходящего в далёкие горизонты, прошлого. Он и сейчас продолжает подниматься всё выше по этой горе, «читая» уже не только *исторические*, но и *космические* «следы», т. е. следы не только своего прошлого, но и своего будущего.

Представления человека о *другом* — прошлом ли, будущем ли — мире, оказывали и оказывают самое непосредственное влияние на его *настоящее* существование. Те, кто *умело* реконструирует следы,

обладают монополией знаний как о прошлых, так и будущих событиях. По этой причине процессы интерпретации «следов» часто находились под контролем «власти имущих», которая стремилась сохранить монополию на создание *ДРУГОЙ* (прошлой или будущей) действительности и, естественно, таким образом легитимировать своё собственное существование.

Однако никакая власть никогда не преследовала цели, контролировать абсолютно ВСЕ процессы чтения следов. А процессы эти очень разнообразны и охватывают самые различные сферы человеческой жизни и человеческого познания. «Чтением следов» занимаются как охотник, так и детектив, как археолог, так и геолог, как историк, так и философ. Каждый из них, однако, читает только «свои» СЛЕДЫ. По этой причине то, что является «следом» для одного, не является с необходимостью таковым для другого.

Охотник следует следам животного, а криминальный следователь (*пре*)следует преступника. Само слово «следователь» указывает на главную задачу следователя как «(пре)следователя». В отличие от охотника или детектива, историк или геолог никого не (*пре*)следуют, а они только «исследуют». Но, как мы уже упоминали, также «исследовать» происходит от «следовать». Любое научное (ис)следование есть «следование» определённой цели и по этой причине также *определённым* следам. Историк «следует» следам прошлого, но он следует далеко не каждому следу и далеко не каждый «след прошлого», становится для него источником. Это, как и в случае с поломанными дверями, когда историка интересуют только следы, оставленные в его «собственной квартире».

Мы уже выяснили, какую роль следы играют в жизни охотника или историка. Однако какую роль понятие «след» может играть в философии? И для философии понятие СЛЕДА является исключительно

важным понятием. Также философия имеет дело со «следами», которые она, однако, интерпретирует с *онтологической* или *эпистемологической* точки зрения.

У древнегреческого философа Платона мы найдём эпистемологическое сравнение человеческих восприятий со следами, которые, «наподобие отпечатков на воске», оставляются в душе человека. Для средневековой философии весь видимый мир являлся ничем иным как «следом Божьих деяний». Философы XX столетия (J. Derrida, E. Levinas, M. Heidegger) видят в следах прошлого «инструменты» или «средства» познания *другого*. Воспринимая «следы», мы не только проводим границу между тем, что БЫЛО и ЕСТЬ, но и между «Я» и «не-Я».

Для М. Heidegger(a) след попадает под категорию того, что он называет «*das Dagewesene*», т. е. «больше не существующее бытиё», которое, однако, «в онтологическом смысле не прошло, а было здесь»⁹. Но что Heidegger понимает под этим высказыванием? Ответ на этот вопрос мы, пожалуй, найдём в главе § 73 «Расхожая понятность истории и событие Здесь-Бытия» пятой главы «Временность и историчность» его фундаментального труда «Бытиё и время».

Замечу вначале, что Heidegger, уже вначале своей книги (см. §4 «*Sein und Zeit*»¹⁰), принципиально различает между «*Sein und Dasein*» При этом «*Sein*» — есть «Бытиё», а «*Dasein*» есть «Здесь-Бытиё» или же есть «способ существования Бытия». Здесь-Бытиё Heidegger характеризует как такое Бытиё, которое кроме как «здесь» ни в каком

⁹ «nicht mehr existierendes Dasein», das aber «im ontologisch strengen Sinne nicht vergangen, sondern da-gewesen». Heidegger, Martin. *Zeitlichkeit und Geschichtlichkeit*. In: *Geschichte der Philosophie in Text und Darstellung*. 20. Jahrhundert. Hg. v. Reiner Wiehl. Stuttgart 1981. S. 133.

¹⁰ Heidegger, Martin. *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag 1967.

другом Бытии не имеет место («Das Dasein ist ein Seiendes, das nicht nur unter anderem Seienden vorkommt»). Отношение «Здесь-Бытия» к «Бытию» Heidegger называет экзистенцией. Я обращаюсь к анализу буквально трёх страничек его книги¹¹. Heidegger ставит на первый взгляд кажущийся простым вопрос: «Хранимые в музее древности», говорит он, домашняя утварь, к примеру, принадлежат «прошедшему времени», но в тоже время присутствуют здесь. В каком смысле эти средства являются историческими — ведь они еще не ушли?»¹². Мы обычно идентифицируем «историческое» с ушедшим / прошедшим, т. е. отсутствующим, но в действительности ушедшее / прошедшее присутствует здесь как элемент Здесь-Бытия и мы его воспринимаем. Heidegger продолжает: Но являются эти вещи «историческими только лишь по той причине, что они стали объектом историографического интереса или антиковедения, предметом краеведения?»¹³

Для современного историка вопрос Heidegger(a) звучит провокационно. Ведь современный историк считает, что история «живёт» исключительно в человеческих рассказах, что она является продуктом человеческого воображения, что она есть «субъективный феномен». Современный историк считает, что история есть «форма» сознательного существования человека. Но не должна ли тогда теория истории исходить из принципа — на что современность «обратила внимание», то для неё и «исторично». Однако Heidegger(a) подобная интерпретация *историчности* никак не устраивает. Он возражает здесь историку: «Но историческим объектом подобные предметы становятся

¹¹ Heidegger, Martin. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag 1967. S.380-382.

¹² Im Museum aufbewahrte „Altertümer“, Hausgerät zum Beispiel, gehören einer „vergangenen Zeit“ an und sich gleichwohl noch in der „Gegenwart“ vorhanden. Inwiefern ist dieses Zeug geschichtlich, wo es doch *noch nicht* vergangen ist? Heidegger, M. Ebd.

¹³ Etwa nur deshalb, weil es Gegenstand historisches Interesses, der Altertumpflege und Landeskunde wurde? Heidegger, M. Ebd.

только потому, что в них самих что-то должно быть историчным»¹⁴.
Heidegger решительно отбрасывает «субъективный вариант» в сторону и заключает:

«Вопрос повторяется: по какому праву мы называем это сущее историческим, если оно не ушло? Или же эти «вещи», несмотря на то, что они присутствуют, несут в себе что-то от их прошлого? Являются ли эти вещи сейчас тем, чем они были?»¹⁵

Heidegger тут же даёт ответ на свой вопрос: «Нет, ‚вещи‘ эти явно изменились. Сосуд «с течением времени» стал ломким и изъеден червями»¹⁶. Ничто не остаётся тем, чем оно когда-то было. По этой причине «Здесь-Бытие», оставаясь, в тоже время постоянно меняется или «уходит». А с ним уходит и *его* «мир». Вещи, «оставшиеся» от этого мира, вынуждены *теперь* существовать в другом мире.

«Но не в этой ли преходящести, которая как бы идёт своим ходом и продолжается также в музее, заключён тот специфический характер прошлости, который делает вышеназванный сосуд чем-то историческим»¹⁷, задаёт свой вопрос Heidegger.

¹⁴ Ein historischer Gegenstand aber kann dergleichen Zeug doch nur sein, weil es an ihm selbst irgendwie geschichtlich ist. Heidegger, M. Ebd.

¹⁵ Die Frage wiederholt sich: mit welchem Recht nennen wir dieses Seiende geschichtlich, wo es doch nicht vergangen ist? Oder haben diese ‚Dinge‘, obzwar sie heute noch vorhanden sind, doch ‚etwas Vergangenes‘ ‚an sich‘? Sind sie, die vorhanden, denn noch, was sie waren? Heidegger, M. Ebd.

¹⁶ Offenbar haben sich die ‚Dinge‘ verändert. Das Gerät ist im ‚Lauf der Zeit‘ brüchig und wurmstichig geworden. Heidegger, M. Ebd.

¹⁷ Aber in dieser Vergänglichkeit, die auch während des Vorhandenseins im Museum fortgeht, liegt doch nicht der spezifische Vergangenheitscharakter, der es zu etwas Geschichtlichem macht. Heidegger, M. Ebd.

Но если «историчность» проявляет себя не в *преходящести*, то тогда в чём? И «что же тогда в этих вещах прошло? Чем *были* эти вещи вчера, чем они сегодня уже не являются? Ведь они были вещами, изготовленными для потребления, которые теперь, правда, находятся здесь без всякого употребления»¹⁸, констатирует Heidegger. Раньше эти вещи выполняли конкретные функции, например, сосуд хранил жидкость, а теперь они «своих» функций не выполняют. Но возьмём и

«предположим, что предметы эти были бы и сегодня ещё в употреблении, но разве тогда они не были бы историческими? В употреблении или вне употребления, они все равно не являются более тем, чем они были»¹⁹.

«Сегодня» никак не может быть «вчера». Те же самые объекты, которые существовали «вчера», которые также существуют и «сегодня» (исторические памятники), не являются «теми же самыми» объектами, потому что сегодня они существуют в совершенно *другом* мире... «Но что тогда «ушло»? Не что иное как мир», говорит Heidegger, «внутри которого эти предметы, принадлежа взаимосвязанной структуре вещей, являлись подручными средствами, озабоченного сущим-в-мире «Здесь-Бытия»»²⁰. И далее он заключает: «Die *Welt* ist nicht mehr. Das vormals *Innerweltliche* dieser Welt aber ist noch vorhanden», что в переводе означает: «Самого мира больше нет, а ранее ему принадлежащее, его *внутримирное* присутствует здесь»²¹.

¹⁸ Was ist aber dann an dem Zeug vergangen? Was waren die ‚Dinge‘, das sie heute nicht mehr sind? Sie sind doch noch das bestimmte Gebrauchszeug — ohne Gebrauch. Heidegger, M. Ebd.

¹⁹ Allein gesetzt, sie stünden, wie viele Erbstücke im Hausrat, noch heute im Gebrauch, wären sie dann noch nicht geschichtlich? Ob im Gebrauch oder außer Gebrauch, sind sie gleichwohl nicht mehr, was sie waren. Heidegger, M. Ebd.

²⁰ Was ist ‚vergangen‘? Nichts anders als die Welt, innerhalb deren sie, zu einem Zeugzusammenhang gehörig, als Zuhandenes begegneten und von einem besorgenden, in-der-Welt-seienden Dasein gebraucht wurden. Heidegger, M. Ebd.

²¹ Heidegger, M. Ebd.

«Причина историчности дошедших до нас вещей прошлого заключается, таким образом, в уходе их Здесь-Бытия, которому они первоначально принадлежали»²².

По этой причине «исторические вещи» находятся одновременно и «здесь», и «не-здесь»; они одновременно «присутствуют» и «отсутствуют». Но основу их «историчности» образует их *миропринадлежность*. Последняя является **онтической** основой как прошлого, так и настоящего. Но может ли Здесь-Бытие «уйти» или стать прошлым? «Очевидно, что Здесь-Бытие никогда не может уйти / стать прошлым», считает Heidegger, «и не потому что оно является непреходящим, а потому что оно в сущности не является присутствующим; если оно есть, оно существует»²³. И тут он произнесёт то предложение, с которого мы и начали анализ его текста: «Более несуществующее Бытие в онтологически строгом смысле не прошло, а было здесь»²⁴.

Дошедшие до нас остатки древности являются «прошлыми» по причине их принадлежности ушедшему миру более несуществующего Здесь-Бытия. Но это только потому, что «для мира характерен 'исторический способ существования', что *историческое* само по себе является онтологической основой существования мира»²⁵.

²² Der geschichtliche Charakter der noch erhaltenen Altertümer gründet also in der ‚Vergangenheit‘ des Daseins, dessen Welt sie zugehörten. Heidegger, M. Ebd.

²³ Offenbar kann das Dasein nie vergangen sein, nicht weil es unvergänglich ist, sondern weil es wesenhaft nie vorhanden sein kann, vielmehr, wenn es ist, existiert. Nicht mehr existierendes Dasein aber ist im ontologisch strengen Sinne nicht vergangen, sondern da-gewesen. Heidegger, M. Ebd.

²⁴ Nicht mehr existierendes Dasein aber ist im ontologisch strengen Sinne nicht vergangen, sondern da-gewesen. Heidegger, M. Ebd.

²⁵ Die Welt aber hat die Seinsart des Geschichtlichen, weil sie eine ontologische Bestimmtheit des Daseins ausmacht. Heidegger, M. Ebd.

«Следы прошлого» существуют для человека только потому, что мир сам по себе является *историческим*. Но между понятиями «Dagewesenes» («то, что было») и «прошлое» имеется, таким образом одно существенное отличие — далеко не всё, что БЫЛО, оставило после себя «следы». Однако всё, что оставило после себя «следы» — для нас БЫЛО и по этой причине является ПРОШЛЫМ. Уже одним своим существованием «след» конкретизирует прошлое, выделяя из безграничного «всё, что было», только определённые образы и феномены. След не включает в себя *das Dagewesene* (всё, что было), а он лишь в «конкретно-вещественной» форме указывает на него.

Парадокс следа заключается в том, что след делает *отсутствующее присутствующим*, не давая окончательно уйти тому, что уже давно ушло и прошло. Этим СЛЕД, надо заметить, в какой-то степени провоцирует нас, стирая границу между тем, что БЫЛО и ЕСТЬ. Он «сам» является одновременно и тем, что БЫЛО и тем, что ЕСТЬ. След всегда и БЫЛ и ЕСТЬ. Благодаря ему мы (ре)конструируем и (вос)создаём (не)существующее.

Мы уже отмечали, что следы *рождаются* в глазах внимательного наблюдателя, который не просто «следует следам», а и селектирует их. Без этого внимательно наблюдателя не было бы и «следов». Для тех, кто «следует следам», следы являются знаками, которые указывают на то, «что БЫЛО». Но если следы и являются знаками, то знаками, которые без всякого намерения стали таковыми. Поэтому Марк Блок (Marc Bloch) называет их «невольными свидетелями»²⁶, давая при этом поразительно точную характеристику понятию след:

²⁶ Блок М. Указ. соч. С. 37.

«... что понимаем мы под словом ‚источник‘, если не ‚след‘, т. е. доступный нашим чувствам знак, оставленный феноменом, который сам по себе для нас недоступен?»²⁷

Paul Ricoeur заметил позже по отношению к этому высказыванию Marc Bloch(a): «...этим сказано всё, но загадка остаётся...» Понятие СЛЕД остаётся для нас «загадочным инструментом», с помощью которого мы в состоянии «реконструировать и презентировать прошлое в историческом рассказе».

Однако след есть не только «инструмент реконструкции прошлого», но он и сам есть «прошлое», на что указал, опять же, французский философ E. Lévinas (Эммануэль Левинас) — что за плеяда французских талантов! След не только указывает на прошлое, но он и принадлежит прошлому: «След как след не только ведёт нас в прошлое, но он и сам есть переход в определённое прошлое»²⁸, говорит Lévinas. И этот переход или процесс этого перехода у многих следов, пока они (ещё) „здесь“, не закончен, потому что след (ещё) здесь. Мы воспринимаем следы ЗДЕСЬ и ТЕПЕРЬ. И в этом акте восприятия СЛЕДЫ перестают быть *возможностью*, а становятся для нас *действительностью*.

²⁷ Блок М. Указ. соч. С. 33.

²⁸ Lévinas, Emmanuel. Die Spur des Anderen. Untersuchungen zur Phänomenologie und Sozialphilosophie. Freiburg - München 1987. S. 234.